

ГЛАВА 1

Молодая женщина, которую звали Маргаретой, недавно родила в законном браке дочь и оказалась вознагражденной не только счастьем материнства, которое превозносят с сотворения времен, но и, как это нередко случается с молодыми матерями, душевным расстройством, насчет коего люди стараются помалкивать. Иными словами, глядя на младенца, она то плакала от умиления, ощущая себя счастливейшей женщиной на земле, то скрипела зубами от неясных страхов, терзаний и прочих темных чувств, объяснить которые самой себе не могла. Осень в том году началась рано, погода стояла холодная и мрачная. Каждая злая морозная ночь отъедала кусочек времени у слабого блеклого дня, и на душе у Маргареты становилось все беспросветнее.

Ее собственная мать, которую все давно звали не по имени, а Старой Хозяйкой — раз уж она всем заправляла и в своем доме, и в доме зятя, — смотрела на нее с беспокойством, однако вслух повторяла, что это всё сродни родильной горячке и вскоре пройдет само по себе. С Маргареты — своей

единственной поздней дочери — она не сводила глаз ни днем, ни ночью, терзаясь такими же неясными опасениями, и вскоре оказалось, что чутье ее не подвело.

— Матушка, — обратилась к ней Маргарета как-то раз, — скажите-ка, а правду говорят, что женщины из нашего рода могут взять фею в крестные для своего ребенка?

— Вздумалось тебе повторять старые сказки! — сердито воскликнула Старая Хозяйка. — Посмотри, как ты побледнела и подурнела от глупых мыслей! Твой муж вскоре перестанет тебя узнавать — и поделом! А он ведь любит тебя, славный добрый человек!.. Я выдавала тебя замуж настоящей красавицей, все соседские кумушки локти кусали от зависти, что не в их дом пойдет такая невестка. И что теперь? Волосы блестели золотом, а нынче солома соломой, щеки серые, глаза — словно паутиной затянуты...

— Ах, матушка, разве важно это всё, раз жизнь моя устроилась так обыденно? — отмахнулась Маргарета. — Ни волосы, ни глаза не помогли мне стать чем-то бóльшим, нежели я была...

— Право слово, ты городишь какую-то чушь! — успела вставить рассерженная Старая Хозяйка, но печальная, испуганная Маргарета не обратила никакого внимания на ее слова.

— Посмотри: какой ни была я красавицей, однако не вышла замуж сколько-нибудь удачнее, чем мои

подруги. Жила в усадьбе с одной стороны ручья, а потом, как вышла замуж, перебралась в такую же — только на противоположном берегу...

— Ничего себе — такую же! — вскричала в негодовании ее матушка. — Да здесь одной только пашни вдвое больше, в доме — два камина, а уж какие здесь луга!..

— Всё то же самое, — упрямо повторила Маргарета. — Камином больше, камином меньше, а живем мы здесь так же. Моя доля ничем не отличается от твоей, да и поменяй нас местами с теми же Брайнами — никто со стороны не заметит разницы.

И как ни ругалась с ней Старая Хозяйка, которую возмущала сама мысль, что кто-то может спутать ее с соседкой, болтливой тощей кумушкой Брайн, Маргарета лишь бледнела, дурнела и все разговоры сводила к тому, как скучна судьба у обычных здешних людей.

Зять, на счастье, в то время был в долгом отъезде и не слышал, какие странные речи начала вести жена. Но что будет, когда он вернется, а Маргарета при нем заговорит об убогости своей доли? Какой мужчина стерпит, чтобы его дом и род попрекали заурядностью? Устав от этих бесполезных споров, матушка в конце концов решила, что разговор и впрямь стоит перевести на старые сказки — раз уж они интересуют ее дочь.

— Что ж, милая, — начала старая женщина, щупая горячий лоб Маргареты, которая вовсе перестала

подниматься с постели и дрожала, хоть огонь в камине горел день и ночь, — ты что-то говорила о феях? Надо же, какая у тебя память: все-все помнишь... Я рассказывала тебе эту историю давным-давно, когда ты болела — вот как сейчас, бедное мое дитя.

В самом деле, наш род по женской линии идет от знатных заморских чужестранцев, которые поселились здесь, у великого леса, в незапамятные времена. От них же нам достались золотые волосы и голубые глаза, отличавшие нас от местных. Лесные духи поначалу невзлюбили соседей, но затем какая-то из наших прабабок сумела с ними подружиться — то ли спасла из капкана верховую лань, на которой ездил лесная принцесса, то ли любезно поприветствовала дочь туманов... Кто знает, как оно было! Но с той самой поры женщина из нашего рода может позвать фею в крестные для своей дочери — и только для дочери. Потому-то, наверное, так и вышло, что рождаются у нас почти одни девочки. У твоей тетки мальчик родился лишь после семи девчонок — сама знаешь!

Тусклые прежде глаза Маргареты, бездумно баюкавшей младенца, заблестели.

— Как это славно! — воскликнула она и принялась целовать спящую девочку. — Слышишь, Эли? Ты могла бы получить фею в крестные!

— Могла бы, а как же, — закивала головой Старая Хозяйка, обрадовавшись тому, как оживилась ее дочь. — Так что не говори, будто в нас нет ничего

особенного, — многие ли могут похвастаться таким даром? Уж предки Брайнов точно и краешек плаща феи не смели бы поцеловать! Никто, правда, из нашего семейства на моей памяти не воспользовался милостью Иных — и хвала богам. Опасная это затея — лишний раз привлекать к себе их внимание. Хорошо, что их нынче нет! Лет сорок прошло с тех пор, как здесь видели в последний раз фею, и, говорят, она не сотворила тогда ни единой злой проказы, не подшутила ни над одним лоботрясом, и даже от лихорадки никто не помер — может, то и не фея была вовсе?..

— Матушка, ты говорила с теми, кто видел фею? Как она выглядела? Где показалась людям? — засыпала ее вопросами Маргарета, и Старая Хозяйка, умиленно подумав, что ее дочь — сама еще суший ребенок, принялась рассказывать, что фею заметили в старом яблоневом саду, который сейчас совсем заброшен.

— Уже тогда деревья были такими дряхлыми, что едва-едва выдерживали тяжесть яблок, а сейчас там одна только дичка да кусты бересклета. Было время, когда за этот сад вели спор твой прапрадед и прапрадед любезного твоего Одерика — он как раз на границе наших земель. Это сейчас дрянные деревья никому не нужны, а прежде лучших красных яблок в этих краях было не сыскать. Поговаривали, что они могли висеть на ветках до первых снегов — настолько крепкими и сочными были. Сохранялись

они в погребях до самой весны — гниль их не брала, и никто не видел в них червоточины. А всё потому, что какой-то хитрец из нашего рода выпросил у случайно встреченной феи яблочное зернышко — сказал, что сроду не видал таких алых губ, как у нее. «Да ведь только мне никто не поверит, добрая госпожа, когда я буду рассказывать про это! — сказал он фее, усердно кланяясь. — Мне и сравнить-то не с чем, кровь людская — и та бледнее! Если бы ваша милость подарила мне зернышко от того волшебного яблока, которое у вас в руках... Вот оно — точь-в-точь алое, как ваши губы! Я бы вырастил из него дерево, дождался яблок и всем бы говорил, что цветом они как губы самой прекрасной из дев тумана!» Фее пришлось по душе его хитрость и обходительность — к тому же он был хорош собой, как и все юноши из нашего рода! — вот она и подарила ему зернышко. Многие считали, что он мог бы попросить что-то более ценное, раз уж фея оказалась так добра, но потому-то эти глупцы и не пользовались расположением Иного народа...

— Так что же, фея пришла потом в тот сад? — нетерпеливо спросила Маргарета. — Она искала красивого юношу?

— Может, и искала, — рассудительно отвечала ее матушка. — А может, то была совсем другая дама... Кто их разберет — они настолько красивы, что человеческий глаз одну от другой не отличит! Дело было поздней осенью. Слуга-бездельник

пришел ближе к вечеру убрать изломанные ветки в саду, упавшие летом под тяжестью плодов. Алых крепких яблок в саду по-прежнему урождалось так много, что мой батюшка приглашал ближних и дальних соседей собирать урожай и разрешал унести с собой столько, сколько мог поднять один человек. Но даже они не могли собрать все плоды до единого, и в ту хмурую пору яблоки светились темно-алыми огоньками среди голых черных ветвей.

Из веток же получился огромный костер, ярко пылавший в холодных сумерках. Видимо, фее понравился его свет, и она выступила из-за деревьев как есть: платье из тумана и дыма осенних костров, вышивка на нем — из вечерних звезд, а в глазах — лунный свет. Слуга оказался преглупым увальнем и испугался так, что принялся кричать на нее, мол, нечего ходить в чужом саду и зариться на яблоки. Она расхохоталась, поднявшись над землей, как бесшумная серая птица. Затем сорвала яблоко с ветки и сказала, что люди испортились и стали так грубы, что говорить с ними — никакого удовольствия. Слуга же, вместо того чтобы просить прощения, трусливо удрал, вопя во весь голос. Когда люди сбежались в сад, то увидели, что там никого нет, а яблоко, которое сорвала фея, лежало на земле — надкушенное ее острыми зубами и почерневшее. Те, кто видел его, клялись, что на нём отпечатались клыки, как у дикого зверя. Ну а по весне старые

деревья начали сохнуть одно за другим, и вскоре сад пришел в запустение: не осталось больше тех яблонь с чудесными алыми яблоками. Вся молодая поросль оказалась дичками, а плоды на них — сплошь горько-кислыми.

— Но вы ведь говорили, что фея не сотворила тогда злых проказ, — заметила Маргарета, слушавшая очень внимательно.

— Так кто знает, по ее воле это случилось или же нет? — развела руками Старая Хозяйка. — Деревья были очень древними, им давно пришло время умирать. Ну а от старого хорошего корня часто идет бесполезная дрянная поросль.

— А как же милость фей? Мы всё еще можем приглашать их в крестные?

— Возможно, что и так, — матушка погладила Маргарету по голове. — Но кому бы вздумалось это проверять?

— Что же плохого в том, чтобы выпросить у Иного народа милость для ребенка? — Маргарета говорила с некоторой обидой, хмурясь и кусая губы; ей не нравилось, как Старая Хозяйка уводит разговор в сторону. — Разве не ищет каждый для своих детей помощи и покровительства?

— Покровительство феи дорого обходится! — сердито отвечала ей мать. — Каждая их милость — с подвохом.

— Зато и судьба станет особой! — сказала на это Маргарета и снова поцеловала свою маленькую дочь,

шепча ей, что прежде в мире не рождались такие красивые славные девочки.

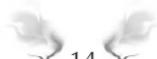
— Разве тебе место в этих лесах? — повторяла она неполголосо, глядя на розовое младенческое личико. — Разве для такой жизни ты рождена? Нет, ты заслуживаешь гораздо большего! Даже при королевском дворе нет таких красавиц. Твой удел должен быть велик — не то что у нас...

— Ох, Маргарета, побойся богов! — вскричала Старая Хозяйка, слышавшая в этих словах нечто тревожное и дурное. — Не вздумай звать к Элифею!

Но дочь не смотрела ей в глаза, качала ребенка и тихонько напевно повторяла: «Эли вырастет такой красавицей, что выйдет замуж за принца — не меньше, особенной девочке — особенная судьба... Скоро, Эли, скоро! Удача улыбнется тебе, судьба будет добра, а высшие силы не откажут в милости...»

Но разве не все счастливые матери лепечут что-то похожее своим маленьким дочерям?

Несколько дней Старая Хозяйка тенью ходила за Маргаретой, желая разувериться — или убедиться окончательно — в своих подозрениях. Та же будто ожила: лицо посвежело и косы заблестели золотом. Красивее девушки не было в здешних краях, разве что нос мог быть чуть тоньше и длиннее, а щеки — не так округлы, но кто замечает такие мелочи, если голубые глаза сияют, а белая кожа нежна, как шелк? Болезнь уходила, и сердце матери

постепенно успокаивалось: дочь больше ни словом не обмолвилась о феях или скучной жизни.

— Пора мне наведаться в собственный дом, — наконец сказала Старая Хозяйка сварливым, но вместе с тем довольным голосом. — Наверняка слуги совсем обленились и бездельничают день-деньской! Ох и задам же я им трепку, если во дворе не прибирались, в доме не чистили дымоход, а лисы растащили кур...

Продолжая вслух перечислять все воображаемые бедствия, свалившиеся на усадьбу в ее отсутствие, Старая Хозяйка быстро собралась в недалнюю дорогу, шустро запрыгнула в коляску и отбыла, на прощание расцеловав дочь и внучку, при этом проливая положенное количество счастливых слез.

Той же ночью Маргарета, отпустив всех слуг пораньше, накинула плащ, взяла на руки Эли и пошла в старый сад. Страха она не испытывала — напротив, ее била дрожь радостного предвкушения.

Ночь выдалась ясной, но в зарослях диких яблонь царил непроглядная тьма. С трудом Маргарета пробиралась вперед, бережно прижимая к себе спящую дочь, чтобы голая кривая ветка не коснулась ее лица, не брызнула холодной дождевой водой, не напугала громким треском. Неясное, но сильное убеждение вело ее вперед, и собственные поступки не казались безумными или глупыми. «Это здесь! Это здесь! Я рождена на свет, чтобы на этом самом

месте произнести нужные слова...» — повторял внутренний голос.

— Госпожа фея! — громко сказала она, остановившись. — Я прошу вас стать крестной матерью моей дочери!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

